

ЭЛСУОРТ ФЭРИС

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК*

В статье описывается предыстория введения понятия «установка» и подвергаются критике ошибки, утвердившиеся в его использовании в первые три десятилетия XX в. Прежде всего автор подчеркивает, что связь между установками и их объектами не может быть представлена в виде последовательности, что они складываются и изменяются одновременно. Изменения в установках связываются с кризисными ситуациями.

In this paper the author describes how the concept of attitude was introduced and criticizes the common errors in its use established in the first three decades of the 20th century. First of all, he emphasizes that the relation between attitudes and their objects cannot be presented as a serial sequence, that they must be rather seen as occurring and changing simultaneously. Changes in attitudes are related to situations of crisis.

Ключевые слова: социальные установки, кризисная ситуация.

Keywords: social attitudes, crisis.

Возможно, когда-нибудь в будущем историк социальной психологии в Америке напишет, что понятие социальных установок стало общепринятым в ответ на непреднамеренный поиск спасения от бесплодного абсолютизма. Тридцать лет поиск врожденных и универсальных склонностей продолжался в виде попыток составить точный список человеческих инстинктов. Главной предпосылкой этих изысканий было допущение, что с человеком дело обстоит точно так же, как с муравьем, пчелой и бобром, демонстрирующими фиксированные и неискоренимые паттерны поведения, которые можно описать в кратких словах.

Однако уже к 1920 г. серьезные попытки составить сколько-нибудь плодотворный перечень инстинктов стали настолько обескураживающими, что тень сомнения пала на саму теорию. Недолговечная тенденция называть эти неизменные единицы как-то иначе была еще менее успешной. Рефлексы, действующие, готовые к включению и бездейственные, были слишком плохо замаскированы и не вызвали никакого энтузиазма. Тщетно утверждалось, что эти рефлексы могут модифицироваться социальным опытом, ведь психологи инстинктов давно отошли от своего критерия «специфичности».

То, что в работах по социальной психологии продолжались, несмотря на это, попытки найти неизменный список элементов, показывает лишь, как трудно людям справиться с предубеждениями собственной юности. Лишь единожды с президентским обращением к Американской психологической ассоциации выступил со-

* Статья впервые опубликована в: *Young K. (ed.) Social Attitudes*. N.Y.: Henry Holt, 1931. P. 3-14. Перевод сделан по источнику: *Faris E. The Concept of Social Attitudes // Faris E. The Nature of Human Nature, and Other Essays in Social Psychology*. N.Y.—L.: McGraw-Hill Book Company, 1937. P. 132-143.

циальный психолог, но и тот отверг старую доктрину инстинктов лишь для того, чтобы заменить ее столь же опрятным перечнем «желаний» (см. прим. 1). Уйти от индивидуалистических концепций и стать в исходных посылах подлинно социальным психологом было трудно, и мало кто видел здесь проблему. Социологи подчеркивали значимость группы; рост социологического сознания уже повлиял на этику, экономику, политическую науку и религию, и только к психологии социолог, похоже, подходил почтительно, без намерения следовать логике своих исходных посылок.

Даже когда Томас впервые впечатляюще ввел свое понятие установок и ценностей, вся значимость этого изменения не достигла умов. Ибо вначале установка являла собой главным образом настаивание на динамическом и текучем аспекте всякого опыта, в противоположность «состояниям сознания» традиционной психологии. Все еще оставались инстинктивное оснащение и сковывающий квартет желаний, во круг которых ломали копья выпускники социологических факультетов.

Одним из тех, кто ясно увидел проблему, был Дж.М. Уильямс. Его книги выходили в свет одна за другой, хотя писал он их на досуге и со всей тщательностью и основательностью. Для Уильямса социальная психология была наукой об установках, и в своей замечательной книге «Наше сельское наследие» он описывает установки нью-йоркских фермеров, выводя их из социального опыта и показывая, как изменение условий во второй период жизни фермы рождало новые установки.

Когда Знанецкий опубликовал свои «Законы социальной психологии», он предпочел иную терминологию, но ясно показал свое понимание того, что действия и переживания являются определяющими antecedентами, дальше которых в поиске стабильных элементов, или абсолютов, идти нерезонно или даже невозможно (см. прим. 2).

Между тем первая основательная и четкая формулировка логического итога этого нового движения была дана Джоном Дьюи в книге «Человеческая природа и поведение». Это был сознательный разрыв с прежним воззрением и ясная формулировка связи институтов и культурных форм с установками (привычками) индивидуальных лиц — установками, которые суть Я (self), привычками, которые суть воля. «Не инстинкты создают институты, а институты создают инстинкты». Старые единицы полностью отвергаются в пользу новых, и показывается, что последние формируются заново в каждом конкретном переприспособлении человека и его ближних.

Хорошо, когда изменения наступают медленно, но социологи, видимо, были уж слишком медлительны в понимании освобождающей значимости понятия социальных установок, обладающего колоссальной ценностью для их работы. На другие области повлияло понятие нравов с его акцентом на их изменчивости и могуществе. Между тем все еще оставался неподатливый индивид, и текучий характер социальной жизни застыл в столкновении с абсолютами его врожденного оснащения. Однако стоит нам только понять всю значимость социальных установок, и они становятся в индивидуальном оснащении двойником самых разных обычаев народов мира — меняющимся вместе с обычаями от страны к стране и вместе с нравами от эпохи к эпохе. Ведь социальные установки индивидов — всего лишь конкретные проявления в индивидах тех коллективных феноменов, которые социологи в течение вот уже целого столетия всячески пытались донести до сознания своих коллег в социальной науке.

Итак, природу и развитие нравов мы теперь довольно хорошо знаем благодаря работам немцев Вундта и Ратценхофера, французов Дюркгейма и Леви-Брюля, англичан Маррета и Фрэзера, американцев Самнера и Смолла, и узнано много такого, чем нынешнее поколение может воспользоваться.

Нам больше не нужно мучить и путать себя заданной раз и навсегда схемой социальной эволюции с фиксированными стадиями и неизменными последовательностями. Мы свободны от догмы экономического детерминизма и всех прочих детерминизмов. Мы знаем, что культура заключена не в крови и не в зародышевой плазме и что раса ничего не значит по сравнению с опытом и деятельностью изучаемой группы. Ушла в прошлое древняя доктрина детских рас, устарела инфантильная картина первобытного человека, известно, что ментальные паттерны народа являются результатом того, что люди делают и говорят, того, что им говорят и делают человек и природа.

Институты не создаются инстинктами. Воинственными людей делает война, религиозными их делают церкви. Ясно, что культура предшествует отдельным индивидам, что, когда мы были молодыми, культурные паттерны были древними и что ключ к различным установкам следует искать в истории культуры, культурном контакте и социальном изменении.

Логика этого требует обратить внимание на дилеммы, с которыми столкнулись ученые старшего поколения. Предполагалось, что у человека неизменно есть воинственный инстинкт. Выяснилось, что некоторые народы миролюбивы: война им была неведома. Что же тогда можно было сказать? Только одно: такие народы ущербны; в точности как монстр может родиться одноглазым и безруким, так и некоторые ущербные народы возникли как посмешища, лишённые воинственного инстинкта. Слабость этого аргумента очевидна. Инстинкты вообще не были ни открыты, ни даже сформированы в предшествующем оснащении человека; психология всего лишь умыкнула их из социологической кладовой.

А отказ от всего этого следует сразу после того сравнения во времени и в разных местах, которое увенчивается изучением социальных истоков. Мы обнаруживаем, что искусство в человеческих обществах универсально, но нетрудно показать, что художественные деятельности, практики и продукты возникают из деятельностей нехудожественных. Религия вездесуща (если мы позаботимся определить религию достаточно широко), но изначально ни один из отличительных признаков религии не был религиозным. Вездесуща и нравственность, но нравы могут делать правильным все что угодно и не допускать осуждения чего угодно, так что частное индивидуальное сознание является тихим маленьким голосом соответствующего народа, оглашающим свое предостережение в словах и предписаниях, никогда не расходящихся с высшими идеалами соответствующей эпохи и местности.

Следовательно, именно к группе обращаемся мы в поисках генезиса социальных установок, плодотворно изучаемых у отдельных членов этих групп. Социально-го психолога интересует личность, а личность можно в целом определить как организацию и упорядочение установок данного лица. Селекция групповых установок происходит в индивидуальной личности, общественное мнение представлено в индивидуальном мнении. Личность есть субъективный аспект культуры.

Будет очень жаль, если обсуждение социальных установок выродится в спор о терминологии, ибо нет более верного признака незрелого состояния науки, чем упор-

ная и ожесточенная логомахия. Томас в сотрудничестве со Знанецким добился принятия термина *установка*, но когда последний писал «от своего имени», он кропотливо привел причины, по которым этот термин неудачен. «Установки» казались Знанецкому слишком статичным термином. Он предпочитал называть их *тенденциями*. И это несмотря на тот факт, что главный аргумент, приводимый в пользу нового взгляда Томасом, состоял в том, что прежние «состояния сознания» традиционной психологии кажутся ему слишком спорными ввиду их статических импликаций. Грэм Уоллес предложил сойтись на термине *диспозиции*, поскольку это в каком-то роде нейтральное слово, а то, о чем мы говорим, представляет собой диспозицию действовать или мыслить некоторым образом. Дьюи нравится называть их *привычками*, но при этом он уточняет, что некоторые привычки, ставшие автоматическими и механическими, — всего лишь инертные средства, стоящие на службе какого-нибудь более динамичного порыва.

Таким образом, «привычка» — несколько двусмысленный термин, но с ним легче ясно увидеть, о чем идет речь, если задуматься об аналогии с дурными привычками, которые не пребывают в бездействии, пока мы не захотим их использовать, а без спроса врываются в наше сознание и настойчиво требуют приступить к соответствующему типу действия (это образное высказывание, но образ удачный). Говорим ли мы об установках, привычках, тенденциях или диспозициях, не имеет, однако, большого значения. На самом деле это вообще не имеет значения, если мы озаботимся узнать, о чем именно мы говорим. Мир стал бы невыносимым, если бы физик вставал и говорил, что X-лучи — это на самом деле вообще не X-лучи, а рентгеновские лучи. Если бы физики были так же одержимы логомахиями, как некоторые социальные психологи, то, возможно, какой-нибудь ученый написал бы целую главу, настаивая на том, что это не X-лучи, а реально и поистине A-лучи, так как они пришли в начале познания радиоактивности, и что работу с ними лучше приостановить, пока мы не договоримся о терминах.

Следовательно, имеет мало значения — и даже совершенно неважно, — обозначаем ли мы эти вещи теми или другими словами, если нам ясно, на какого рода феномены в человеческом опыте и поведении мы указываем. Важен денотативный аспект слова. Необходимость понятий несколько не приуменьшается настойчивым требованием того, чтобы мы думали о том, что термином обозначается, и не тратили зря время на споры о символе. Подлинные науки никогда не спорят о словах. Мы приходим к тому, к чему мы стремимся, когда сможем непринужденно заменять понятия числами или буквами алфавита и чувствовать при этом, что мы ничего не потеряли. Ибо плохо, когда понятие несет в своей словесной ассоциации эмоциональную ауру, и мы должны освободиться от этого легко преодолимого ограничения.

Тогда, если, мысля денотативно, мы вдумаемся в природу установки, окажется, что это *«усвоенная предрасположенность к путям, или способам реагирования, а не к конкретным актам, кроме тех случаев, когда они при особых условиях выражают некоторый способ поведения»* (см. прим. 3).

Установка привязанности к матери — это нечто такое, что может быть исследовано и относительно чего можно выдвинуть в конкретных случаях уверенные и доказуемые утверждения. При этом мы не можем знать, какой конкретный акт будет выполнен по отношению к матери в силу наличия этой установки. Установка есть способ схватывания (*conceiving*) объекта; это ментальный аналог объекта. В том, что

мы называем его ментальным, нет никакой путаницы, ведь нам известно, что ментальные процессы неразрывно связаны с действиями, будучи результатом отложенного завершения действий и предпосылками последующих действий.

Приведем еще один пример. Мы можем проводить исследования и научиться выдвигать уверенные утверждения о существовании у индивидов и групп индивидов установок в отношении войны, церкви и сухого закона. Терстоун создал трудоемкие, но эффективные инструменты для выявления этих трех классов установок в группе отобранных индивидов. В этих случаях, как и в случае большинства установок, имеется позитивная или негативная аффективная тональность. Установка бывает «за» или «против» церкви, войны или сухого закона. Однако о том, как именно конкретно будет действовать тот или иной индивид, мы, зная его установку, не узнаем. Мы можем только сказать, что, когда приходит время действовать, установка входит в результат как существенный фактор. Но в критической ситуации установка может измениться, и действие будет другим.

Есть особый тип ситуаций, которому социальные психологи уделили много внимания, и в нем установка и акт находятся в более тесной связи. Я говорю о ярком феномене психологии толпы и массовой психологии. Как только мы осознали ошибочность старой психологии подражания, мы стали готовы к ясному пониманию того, что в психологической толпе, которая действует под возбуждающим влиянием лидера, единство толпы зависит от обладания общей установкой, попадающей в фокус сознания и становящейся кинетической. Расовая ненависть в разъяренной толпе пробуждается и усиливается; другие установки отбрасываются на задний план, и внушаемые акты входят в гармонию с установками, к которым обращены призывы. Психология убеждения и умелого продвижения товаров обусловлена схожим механизмом. Крайнюю форму этого состояния мы находим в гипнотизме.

Следовательно, установки каузально связаны с действием, но многие акты странным образом расходятся с установками, которыми действующий, как можно показать, обладает. Разумеется, это обусловлено одновременным обладанием многими установками, в том числе конфликтующими, и тем, что ситуации определяются поразному, в силу чего в разных случаях разные установки входят в фокус внимания, становясь кинетически действенными.

Точная связь установок с действиями настолько важна, что мы можем углубиться в нее несколько дальше. Это заставляет нас рассмотреть генезис установок. На всех, кто об этом пишет, повлияла формулировка Томаса. У него причиной установки никогда не была лишь другая установка; установка всегда зависела от другой установки и от «ценности», как он предпочитал называть объективные существования в мире. Последовательность, с его точки зрения, обычно является такой: установка—ценность—установка или ценность—установка—ценность.

«Таким образом, если мы имеем как отправную точку установку a и как результат установку m , то эволюция происходила, возможно, таким образом, что из a под влиянием ценности B развилась установка d , из d под влиянием ценности J — установка k , а k под влиянием ценности N превратилась в установку m . Однако могло быть и так, что на a оказала влияние не ценность B , а ценность C , и результатом была другая установка, e , которая, в свою очередь, под влиянием не F , а G , дала установку i , а затем под влиянием L тоже произвела m . То же самое можно сказать и о ценностях» (см. прим. 4).

Использование этой схемы, опирающейся на разделение установок и ценностей, или объектов, и связывание их в каузальные ряды, на практике, при попытке выяснить генезис той или иной конкретной установки у того или иного конкретного человека или группы, видимо, ведет к разочарованию. Прежде всего не является убедительно очевидной сама последовательность. Установка и ценность, или объект, по-видимому, всегда существуют как два аспекта одного и того же единства организации. Так, если некто признается в предубеждении против негритянской расы, то у него различима установка (предрассудка, враждебности, избегания) в отношении объекта, негритянской расы. Объект, или ценность, – в такой же мере часть индивидуального опыта, в какой и установка.

На самом деле объект есть экстернализация установки, а установка – субъективный дубликат объекта. Ибо, вероятно, необходимо признать, что объекты, или ценности, для двух человек, имеющих разные установки, неодинаковы. Церковь не является для того, кто ее ненавидит, тем же объектом, что и для человека, любящего ее. Флаг страны – не одно и то же для верного патриота и затаившегося изменника. Ценность и установка – два аспекта одного и того же опыта.

Отсюда следует, что нельзя пережить новый объект, не пережив в то же время и новую установку. Объект – это то, на что установка направлена. Установка – это тяготение (*tendency*) к некоторому способу реагирования на соответствующий объект.

Если теперь мы зададимся вопросом об изменениях в установках и об образовании новых, то нам будет полезно вспомнить, что установки – как привычки – представляют стабильные и организованные аспекты личности и что обычно они сохраняются до тех пор, пока хорошо работают и позволяют нашему поведению удовлетворительным образом продолжаться. Ключ к нашим проблемам кроется, как мне кажется, в понятии *кризиса*, которое сам Томас всячески выводил на передний план в своих ранних работах. Кризис обнаруживается как раз в тех ситуациях, в которых установки оказываются неприменимыми и существующие объекты не могут удовлетворить наших ожиданий.

Один студент написал однажды доклад от относительно внезапном приобретении нового расового предрассудка вследствие двух неприятных опытов столкновения с членами соответствующей расы. Он вступил в этот опыт с благожелательной установкой по отношению к объекту, который он определял благосклонным образом. Когда произошли критические события, изменившие его установку, наступил краткий период смущения, удивления и ментальной неопределенности. После того как он обдумал эти неприятные и смущающие события, результатом стало *одновременное приобретение новой неблагоприятной установки по отношению к объекту, которого у него в опыте раньше никогда не было*. Прежде этот объект был привлекательным, теперь же стал отвратительным.

Следовательно, опыт всегда представляет собой установку–объект или объект–установку. Иногда информацию об установках человека можно получить, просто спросив его, как он к тому-то и тому-то относится. Однако опыт показал, что иногда точнее и плодотворнее выяснить, как человек определяет те или иные объекты; ибо в определении объекта установка может проявиться лучше, чем во всякой попытке описать ее напрямую. Один из примеров – это попытка выяснить относительный либерализм или консерватизм ряда информантов. Опрашиваемым давали список людей и просили определить, кто из них является либералом, кто консерватором, а

кто радикалом. Ясно, что в тех случаях, когда один человек настаивал, что покойный Сэмюэл Гомперс радикал, а другой помечал его как консерватора, собиралось много релевантной информации об установках, причем больше, чем если бы был принят другой подход. Такая оценка дает мало информации о «реальном» Гомперсе, но обнаруживает, что он является разным человеком для консервативного бизнесмена, с одной стороны, и коммунистического агитатора - с другой. Ценность не «вызывает» установку. Ценность и установка возникают вместе, когда оказывается невозможным адекватное функционирование прежней ценности—установки.

Следовательно, каждая установка есть разрешение кризиса, решение некоторого затруднения, завершение периода хаоса, прекращение момента дезорганизации. Удивительно не то, что установки разнятся, а то, что они очень часто одинаковы или, по крайней мере, достаточно схожи, чтобы было возможно общее действие; и причина этого, видимо, в том, что человеку в момент озадаченности и неуверенности обычно хватает скромности принять помощь там, где он ее находит, и что в отсутствие решения, которого он тщетно ищет, он готов принять помощь других. Ведь мышление — трудная задача с негарантированным результатом, а человеческий разум работает в лучшем случае еле-еле.

Так, человек, только что обращенный в секту, — это часто растерянный и заблудившийся в лабиринтах мира человек, который принимает решение, предлагаемое ему с убедительной уверенностью, и готов определить свой мир так, как его учат, даже если это означает для него принятие новых установок, которые он прежде считал бы нелепыми или невозможными. Когда медицинская наука бессильна или заблуждается и перспектив излечения не видно, доктрина, гласящая, что болезни и боли не существуют, лучше, чем отсутствие всякой доктрины. Человеку трудно вынести неопределенность и тревожные ожидания, и любая организация лучше, чем ее отсутствие.

Поэтому знание установки никогда не позволит нам предсказать, что станет делать человек в ситуации кризиса. Ведь кризис — это такая ситуация, в которой человек запутался настолько, что просто не знает, что делать. Если есть неизбежная чрезвычайная ситуация и у человека есть целостный план по противодействию ей, то кризиса нет, ибо чрезвычайную ситуацию реально предвидели. Кризис, который заранее определили и к которому надлежащим образом подготовились, — это уже не кризис.

Субъективная или скрытая природа установки немало озаботила тех авторов, которые тяготеют к бихевиоризму, но колеблются с признанием релевантности любых данных, недоступных непосредственно чувственному восприятию. Установки — это не акты, это предрасположенности. Будь они предрасположенностями к конкретным и определенным актам, проблем было бы меньше; но установки — это *тенденции к способам действия, не имеющие никакого однозначного соответствия конкретным реакциям на стимуляции*. Отсюда возникает затруднение, ибо, строго говоря, как бы реально ни была установка, она всегда и неизбежно выводится путем умозаключения.

Первая реакция на доктрину установок прятала от взора этот факт, строясь на предположении, что установки непосредственно обнаруживаются во мнениях и утверждениях и легко узнаются таким прямым способом. Так в исследовании установок началась эра вопросников. Опрашиваемые отбирали подготовленные утверждения, заполняли пустые строки или отвечали на вопросы интервьюеров; при этом

предполагалось, что задокументированное утверждение прямо и недвусмысленно связано с установками. Поскольку результаты были очень разочаровывающими, возникла негативная реакция на это понятие, но ошибка была не в ошибочном понимании существования установок, а скорее в неадекватной трактовке психологии мнений. Нам нужно коротко рассмотреть этот момент.

Выражение мнения — это, разумеется, акт. Столь же ясно, что акт есть результат игры установок. Между тем неверно считать, что здесь замешана отдельная искомая установка. Ибо в совокупной ситуации имеются и другие аспекты, которые могут вызывать и часто вызывают установки, совершенно отличные от той, которая является объектом исследования. Ответ человека на вопрос может показывать его реальную установку по отношению к соответствующему объекту, но может также определяться вообще не этой установкой, а установкой по отношению к тому, кто этот вопрос задает, или совсем другими важными и определяющими объектами.

На вопрос об установке по отношению к сексу человек может отвечать целиком и полностью исходя из установки по отношению к интервьюеру. Ответ на вопрос о религии может даваться под воздействием установки по отношению к группе, в которой опрашиваемый человек живет. Только в те относительно редкие моменты, когда нас захватывают «врасплох», установки и высказываемые мнения соответствуют друг другу. Идеальное соответствие мы получаем в тех ситуациях, когда человек «себя выдает».

Выражение мнения есть действие, поскольку оно требует от нас письма или речи; попросить человека выразить его мнение по данному вопросу — значит ввести в его опыт в данный момент неопределенно большое число потенциально активных установок. Когда выясняется, что данное выражение мнения не согласуется с «реальной» установкой, это всего лишь означает, что психолог повинен в ложной интерпретации. Ведь в каждом акте выражаются существующие установки, и иногда они проявляют себя в одновременной множественности.

Не является сколько-нибудь серьезным возражением против понятия установок и настаивание на том, что они субъективны и скрыты, ибо жизнь человеческая в значительной мере является внутренней, и до тех пор, пока мы не сможем сформулировать сколько-нибудь научное описание процессов, недоступных для глаз наблюдателя, науки о человеческой природе у нас не будет. Никогда прозорливость Кули не была так глубока, как когда он писал, что прочные факты нашей человеческой жизни существуют в воображении. Может быть созвана судебная коллегия для решения вопроса о том, был ли данный акт самоубийством или смертью от несчастного случая или виновен ли подзащитный в злостном убийстве или в убийстве по неосторожности. Данные, на которых основывается ее решение, объективны, но в решении учитывается наличие или отсутствие мотивов, существование или отсутствие установок. Социальная психология могла бы резонно ограничить сферу своего ведения внешним и наблюдаемым, но в таком случае нам нужна была бы еще одна наука, способная исследовать именно эти очень важные и очень сложные факты.

Важность понимания того, что установки — это приобретенные способы реакции, кроется в реальности, которую оно придает проблемам личности и освобождению, приходящему тогда, когда изменчивость социальной жизни находит свое дополнение в индивидуальном выборе. Старые абсолютизмы оказываются схемами *ex post facto*, извращающими каузальную связь между индивидуальными тенденциями и культурными фактами. Мы вольны исследовать установки большевиков и фаши-

стов, профсоюзных лидеров и капиталистов, газетных репортеров и фермеров, судей и бизнесменов без тех дезориентирующих помех, которые в прежние времена делали людей слепыми к фактам человеческой жизни и опыта.

И исследования в этой области уже важны и многообещающи. Томас и Знанецкий сочли возможным сформулировать установки польских крестьян и убедительно их представили (см. прим. 5). Уильямс выяснил установки судей, священников и иных профессионалов (см. прим. 6), после чего опубликовал монографию о фермерах северной части штата Нью-Йорк (см. прим. 7). Аткинс и Лассуэлл провели убедительное исследование установок рабочих (см. прим. 8), а в исследованиях Чикагского университета о становлении граждан, опубликованных под редакцией Ч.Э. Мерриама, целый ряд томов посвящен такой теме, как систематические попытки правительств создать в детях желаемые установки. Также были проведены специальные исследования с целью обнаружить существование установок и разработаны шкалы для их измерения, прежде всего шкала Терстоуна.

Противоречивая литература об установках обширна и постепенно ведет к рассмотрению типов, черт и мнений, что обещает нам в будущем более точные методы, чем те, которыми мы располагаем. Изучаемые проблемы порой незначительны и, возможно, часто нерелевантны, но приобретения в объективной точке зрения на человеческую природу реальны, а перспективы науки о личности достаточно хороши, чтобы привлечь в нее тех, чья жизнь посвящена поиску.

Видимо, было неизбежно, что греческий призыв познать самого себя станет последним из реализованных научных достижений. И мы пока еще далеки от полного его осуществления. Но мы уверенно работаем, и, когда история будет наконец рассказана, в ней будет зафиксировано, что озарение, принесенное понятием социальной установки, которым мы обязаны У.А. Томасу, пришло тогда, когда мы в нем нуждались, и дало нам интересный и полезный инструмент для нашего анализа.

Когда мы сможем полностью установить, как и почему проявляются наши установки и как и почему они видоизменяются, нам будет легче понять человеческую жизнь, и социальная психология начнет отдавать обществу свои долги.

Примечания

1. Найт Данлэп. Эту же позицию он занимает в своей книге: *Dunlap K. Social Psychology*. Baltimore, 1925.
2. См. также: *Atkins W.E., Lasswell H.D. Labor Attitudes and Problems*. N.Y., 1924.
3. *Dewey J. Human Nature and Conduct*. N.Y., 1922. P. 42.
4. *Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America*. 2nd ed. N.Y., 1927. P. 1839-1840.
5. *Ibid.*
6. *Williams J.M. The Foundations of Social Science*. N.Y., 1920.
7. *Williams J.M. Our Rural Heritage*. N.Y., 1925.
8. *Atkins W.E., Lasswell H.D.* Op. cit.

Пер. с англ. В.Г. Николаева